

риканской поэзии XX века, выпешей в серии «Библиотека всемирной литературы». Так что эти три книги вместе с уже давнишним переводом моего романа «Спасибо за огонек», опубликованного в журнале «Иностранная литература», означают, что моему прибытию в Советский Союз предшествовало появление моих скромных работ, а это всегда радостно — сознавать, что читатель уже знаком с твоими произведениями.

— Вы много лет посвятили изучению и пропаганде латиноамериканских литератур. Как, по вашему мнению, обстоит дело с изданием латиноамериканских авторов в СССР, пользуются ли они вниманием советского читателя?

— На встречах, которые состоялись у меня в издательствах, редакциях журналов Москвы, Ленинграда и Киева, на встречах с испанцами и латиноамериканцами на меня большое впечатление произвел тот интерес, который проявлялся к латиноамериканской литературе. А об интересе широких читателей красноречиво говорят огромные тиражи, потрепанные экземпляры книг латиноамериканских авторов в библиотеках и часто возникавшие в разговорах названия лучших наших книг. Особенно мне понравилось, что этот интерес, касающийся в первую очередь писателей так называемого «бума» (Габриэля Гарсиа Маркеса, Хулио Кортасара, Карлоса Фуэнтеса и Марио Варгаса Лосы), не ограничивается ими, а распространяется на гораздо более широкий круг авторов. Этот интерес, естественно, не имеет никакой коммерческой подоплеки, это проявление подлинного интереса к тому действительно ценному, что создается в Латинской Америке. Любой из нас, латиноамериканских писателей, может гордиться тем, что наши произведения систематически и к тому же в хороших переводах доходят до советских читателей.

— Год 1977 был годом 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Чем является Октябрь для вас?

— Октябрьская революция не только для меня, но и для всех прогрессивных писателей, для всего прогрессивного мира — событие основополагающее. Можно сказать, что это — краеугольный камень всей современной истории. И пусть ваша революция гордится теми достижениями, которые я увидел за три недели, проведенные в Советском Союзе. Для всех нас это не только повод для глубокого удовлетворения, но и гарантия того, что свободы человека и будущее человека обеспечены.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТИВНОГО

В своем интервью М. Бенедетти справедливо отмечает, что книги латиноамериканских писателей не залеживаются в нашей

стране на полках книжных магазинов и библиотек. Таким же спросом будет пользоваться, конечно, и сборник рассказов самого М. Бенедетти.

Из предисловия к книге читатель узнает, что ее автор прошел достаточно длинный путь от либерального реформизма до открытого протеста против диктатуры буржуазного насилия. И если в самом первом рассказе читатель попадает в атмосферу удушающей пошлости огосударственного мешанства «в тихом буржуазном чиновничьем государстве» («Хотели пошутить»), то в последующих рассказах уже звучит призыв к борьбе.

Однако М. Бенедетти — не трибун, а скорее хирург, который вскрывает болезни своей страны. Слои за слоями рассказчик снимает декорации «спокойного» общества, где нет спокойных, где все проникнуто ожиданием каких-то глубинных перемен. В конечном счете все герои рассказов М. Бенедетти только марионетки в спектакле, который ставит истинный хозяин страны: Капитал и его прислужник — государственный аппарат.

Включение в книгу рассказов разных периодов позволяет увидеть не только писательскую зрелость М. Бенедетти, но и его зрелость как борца против замшелости «тихого государства», где живут и, увы, умирают люди. Да, в рассказах М. Бенедетти люди умирают слишком часто. Они гибнут от pistolетных выстрелов, инфарктов, бросаются под колеса автомашин. М. Бенедетти мастерски передает атмосферу этой «тихости» и благостности буржуазного государства, которое, по определению В. И. Ленина, всегда является «машинной для угнетения одного класса другим». Тот «другой класс», который угнетает, очерчен в рассказах М. Бенедетти контурно. Мы не увидим здесь яростности классовой борьбы, пролетариев, осознавших необходимость этой борьбы. Но М. Бенедетти словно доказывает теорему от противного — нет, не сможет обыватель подняться до высот классовой борьбы до тех пор, пока не возьмет на вооружение идеологию пролетариата.

Б. НИКОЛАЕВ

О. ГЕНРИ ИЗ ГРИНСБОРО

О. Генри. Избранное в 3-х томах. Перевод с английского. Составление и предисловие А. И. Старцева. Москва, изд-во «Правда», Библиотека «Огонька», 1975.

О. Генри. Избранное в 2-х томах. Перевод с английского. Кишинев, «Литература артистка», 1977.

Я знаю, как популярен О. Генри в Советском Союзе, где ежегодно выходят все новые и новые переиздания его произведений. И я надеюсь, что советскому читателю покажется интересным совершить небольшое путешествие

по тем местам, где родился и жил наш знаменитый писатель, и окунуться в мир его рассказов.

«Гринсборо (Северная Каролина), столица Пидмонта, — истинно американский город» — вот что можно прочесть на плакатах, украшающих шоссе при подъезде к городу. Слово «Пидмонт» указывает на его географическое расположение (от французского «пье дю мон» — «подножье горы»), а «истинно американский» — звание, присвоенное ему в шестидесятых годах за его типичность. Но эти два определения вряд ли могут вызвать особый интерес к Гринсборо (названному так в честь генерала Натенизла Грина, который во время Войны за независимость выиграл сражение в графстве Гилфорд против отряда лорда Корнуоллиса). Однако у него есть свое право на славу: во-первых, здесь родился О. Генри, а во-вторых, это центр производства джинсов. Иностранные туристы, попадая в Гринсборо, как правило, удивляются, узнавая эти два факта, к которым жители Гринсборо давным-давно привыкли. Строго говоря, О. Генри (его настоящее имя было Уильям Сидни Портер) родился в Сентр-Комьюнити, на Поулкет-Крик, в трех милях от нынешних границ города. Сентр-Комьюнити давно уже перестал быть самостоятельной административной единицей, но дом, в котором родился О. Генри, сохранился, и его почтовый адрес — Гринсборо. А потому Гринсборо с полным правом может считаться родным городом О. Генри. К тому же его отец после смерти жены в 1865 году переехал с детьми в Гринсборо — Уильяму, будущему писателю, было тогда три года. Он жил в Гринсборо до 1882 года, после чего уехал в Техас и начал странствовать по свету. Умер он в Нью-Йорке в 1910 году.

Когда О. Генри жил в Гринсборо, это был южный город, и южным он остается и по сей день. Определение «южный» означает не только географическое положение, но и определенный образ жизни, который сложился в этих краях, когда они заселялись в XVIII и начале XIX века. Это был сельскохозяйственный район с огромными плантациями, на которых до 1863 года трудились рабы, и маленькими участками издольщиков. После окончания Гражданской войны Юг Соединенных Штатов превратился в настоящее экономическое захолустье.

О. Генри рос в Гринсборо как раз в те годы. Семья его не принадлежала к «южным аристократам», владельцам фамильных состояний, и он должен был сам прокладывать себе путь. А жизнь в родном городе, разумеется, не могла его удовлетворять не только с материальной, но и с интеллектуальной точки зрения. В экономике южных штатов царил застой, а в интеллектуальной и духовной сферах властвовал культ былых традиций. Несмотря на военное поражение — а может быть, именно из-за него, — наиболее влиятельные южные семьи питали презрение к грубым и неотесанным янки с Севера. Разумеется,

со времен О. Генри в этих краях произошли большие перемены, и к ним вернулось процветание, чему способствовали сельское хозяйство (хлопок и табак, а также рис в Луизиане) и мощная текстильная промышленность, производящая продукцию как для внутреннего рынка, так и на экспорт.

Тем не менее Гринсборо остается южным городом — чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по улицам его старой части. Там мы найдем и дань уважения самому знаменитому из сынов Гринсборо: это бульвар О. Генри, который ведет от центра города к северу и переходит в магистральное шоссе, а также «Отель О. Генри», когда-то очень фешенебельный, но в настоящее время закрытый в ожидании перестройки. Неподалеку находится одно из старейших зданий Гринсборо — церковь, в которой в дни войны Севера с Югом помещался госпиталь, а теперь устроен городской музей. В обширных залах музея и прилегающем к нему красивом саду выставлено множество экспонатов, связанных с О. Генри и его временем. В музее есть особый зал, посвященный жизни О. Генри. (Дом в Сентр-Комьюнити, на Поулкет-Крик, в котором он родился, давно перешел в посторонние руки, и музей в нем так и не был открыт.) В этом зале посетитель может ознакомиться с богатейшей коллекцией фотографий и писем О. Генри, увидеть первые издания его произведений. В зал входят через реставрированную старинную аптеку, похожую на аптеку Кларка Портера, дяди О. Генри, где он работал учеником.

Из исторического музея можно пройти в городскую библиотеку. Там, кроме произведений О. Генри, также собраны посвященные его творчеству работы многочисленных американских и иностранных критиков. А всего в трех кварталах к западу от библиотеки, на одной из главных улиц города, стоит Шервуд-хаус (названный так по имени человека, его построившего) — большой особняк, некогда принадлежавший Уильяму Суэйну, деду О. Генри по матери. Таким образом, турист, который любит рассказы О. Генри и интересуется его жизнью, найдет немало пищи для своего воображения в этих местах. Но где такой турист может найти подлинную атмосферу Юга, которой дышал О. Генри, пока жил здесь, и которую воссоздал в некоторых своих рассказах?

Нам придется вернуться к старому «Отелю О. Генри» и пойти на юг по Элм-стрит. Это одна из главных городских магистралей, но она кажется тихой, так как крупные торговые центры теперь перекочевали на окраины. Там, где Южная Элм-стрит пересекает железнодорожные пути, город предстает перед нами совсем таким же, каким он был много лет назад. Эта железная дорога соединяет Вашингтон с Новым Орлеаном, и по ней за сутки проходят на юг и на север десятки товарных

поездов — но всего один пассажирский поезд дальнего следования. У переезда турист может отдохнуть в сквере, в тени южных сосен, дубов и диких яблонь. Здесь в жаркий день все еще случается увидеть на скамье бродягу, словно сошедшего со страниц О. Генри, — вылитого персонажа его сборника «Благородный жулик». Нередко из кармана у него торчит бутылка виски, и время от времени он к ней прикладывает. Эти изгой американского общества, существующие на подачки, забыты всеми, кроме Армии Спасения. Бюро этой благотворительницы (если воспользоваться любимым словечком О. Генри) находится чуть дальше по Южной Элм-стрит, за железной дорогой. Здесь, как во многих южных городах, выражение «за железной дорогой» имело свой особый смысл и означало беднейшие кварталы города. Как правило, железнодорожные пути отделяли негритянские кварталы от белых районов, и слова «он живет за железной дорогой» означали, что он живет там, где живут бедняки — и не обязательно черные. Эти районы в таких городах, как Гринсборо, и по сей день остаются самыми непривлекательными. Бюро Армии Спасения расположено на Южной Элм-стрит, где обитают бедняки, тогда как преуспевающие белые горожане населяют теперь, как и тогда, Северную Элм-стрит. Черные, что живут «за железной дорогой», облюбовали сквер у переезда, и он, как уже говорилось, словно хранит память о былых днях Гринсборо, хранит атмосферу Юга. Туда приходят не только бродяги. Черные (в дни О. Генри их называли цветными) собираются там, чтобы посидеть и поболтать с друзьями. В безмятежной, благодушной атмосфере и этого сквера, памятника старого Гринсборо, и расположенного по соседству вокзала есть что-то от неторопливого, размеренного темпа жизни Юга, каким его знал О. Генри.

Во многих своих рассказах О. Генри рисует картины того Юга, который еще не исчез бесследно, и несколько таких рассказов включены в недавно вышедшие на русском языке издания. Безусловно, О. Генри не принадлежит к писателям, в первую очередь стремившимся к созданию атмосферы, однако местный колорит у него всегда очень точен. В этом отношении великолепен рассказ «Джефф Питерс как персональный магнит» из сборника «Благородный жулик». С каким неподражаемым юмором обрисован главный персонаж Джефф Питерс, продающий снадобья, сулящие чудесные исцеления! Шарлатаны, торгующие сомнительными зельями, стали редкостью даже в южных городах, однако любители выманить деньги обманом у доверчивых простаков отнюдь еще не перевелись. вспомните, как Джефф Питерс и Энди Таккер встречаются в вестибюле плохой южной гостиницы, а потом поглядите на какую-нибудь гостиницу в старом Гринсборо неподалеку от Южной Элм-стрит — и вы получите полное представление о месте действия этого рассказа, хотя

городок там называется Рыбачья Гора и помещен в Арканзасе. Речь Джеффа Питерса настолько сочна и своеобразна, что читатель от души сочувствует мошенникам, а не их жертве — мэру, который, в сущности, всего лишь напыщенный дурак. Юмор ситуации в значительной мере сохранен в превосходном переводе Корнея Чуковского, однако воспроизвести во всей комичности речь черного слуги, умоляющего Джеффа помочь его хозяину, вообще невозможно. Ведь это особый язык, со своим словарем, со своим построением фраз, со своими типичными интонациями — так говорили только старые негры, и больше никто.

Характерные особенности речи главного персонажа столь же неподражаемы и столь же смешны. Совершенно восхитительно обыгрываются имена: Бидл (фамилия очень известной и богатой семьи в Северной Каролине), Фидл, Тидл, Ридл; или Воф-Ху, напоминающее имя американского индейца, которое коверкается в Хоа-Хо (что соответствует русскому «тпру») и в Пу-Пу (междометие, выражающее пренебрежительное недоверие). Когда мы уже убеждены, что арестованный его сыщик Медицинского общества штата мистер Бидл — не кто иной, как Энди Таккер, помощник Джеффа. Другими словами, мэр, считавший, что он одурачил Джеффа, оказывается сам одураченным. В этом весь О. Генри! Финал его рассказов всегда бывает неожиданным вне зависимости от того, насколько правдоподобны или неправдоподобны ситуации, положенные в их основу. Рассказы полны юмора, они увлекательны — к чему и стремился писатель. А тот факт, что действие их разворачивается на Юге, придает им дополнительный иронический оттенок.

Не так смешон и гораздо более зод и сатиричен его рассказ о Нэшвиле в штате Теннесси «Муниципальный отчет». Следует повторить, что О. Генри как писатель был не столько творцом атмосферы, сколько удивительно умелым рассказчиком и создателем запоминающихся характеров. Но в «Муниципальном отчете» он достигает совершенства во всех трех элементах, и рассказ этот остается одним из лучших его произведений. Он неоднократно у нас переиздавался и не раз включался в «Карманную книжку рассказов» — антологию издательства «Вашингтон сквер пресс» — наряду с «Господином из Сан-Франциско» Бунина и «Бог правду видит» Льва Толстого. Соседство обязывающее! Но рассказ О. Генри вполне заслуживает подобной чести.

Почему же «Муниципальный отчет» так важен и интересен? Начнем с заглавия. Оно мало о чем говорит и совершенно не выразительно, резко отличаясь от большинства заглавий О. Генри, которые, как и заглавия у Лескова, привлекают внимание читателя неожиданностью ассоциаций или странными словосочетаниями. О. Генри,

как правило, отказывается от обиходных выражений ради редких и непривычных. Однако тут он отступил от своего обычновения. Заголовок «Муниципальный отчет» обещает что-то скучное, деловитое, тогда как рассказ рисует глубоко трогательную драму человеческой души. Нэшвил, столица южного штата Теннесси, выглядит городом, где никогда ничего не случается — но насколько неверно это впечатление! Нэшвил кажется чинным и спокойным, особенно по вечерам — как говорит рассказчику слуга-негр: «Видите ли, сэр, пожалуй, что после захода солнца здесь ничего не делается». Тем не менее скоро выясняется, что под внешней безмятежностью «делается» очень многое.

Действие происходит на фоне южного города, с его изысканной кухней, с его смешанными ароматами жимолости, олеандров, светильного газа и угольного дыма, с чопорной атмосферой его тихих особнячков. Автор знакомит нас с тремя действующими лицами. Во-первых — это майор Уэнтворт Кэсуэл. Трудно найти более неприятный тип южанина. Рассказчик упоминает, что язык у него был «болтливый». Другими словами, он говорит не переставая, и от него невозможно отвязаться. Поражение южных армий и их капитуляция при Аппоматтоксе в 1865 году стали у этого человека своего рода манией, и за рюмкой виски он продолжает вести войну с тенями, порождаемыми его воображением. И он — редкостный негодяй, как мы скоро узнаем из рассказа. Второй персонаж — дядя Цезарь, извозчик-негр, который предлагает отвезти рассказчика по нужному ему адресу. Описание старика негра и особенно его длинного пальто, застегнутого на единственную роговую пуговицу, незабываемо: «На свете еще не было одеяния, столь фантастически разукрашенного и испещренного таким количеством оттенков. Одинокая пуговица, желтая, роговая, величиной с полдоллара, была пришита толстой бечевкой». Таких стариков все еще можно встретить в любом маленьком южном городе, хотя они уже больше не сидят на козлах извозчицких карет. И наконец, мы знакомимся с героиней, мисс Азалией Эдер, поэтессой, автором романтических набросков, к которой рассказчик приезжает по поручению редактора северного литературного журнала. О. Генри создает удивительно верный тип утонченной, образованной, но обедневшей южной дамы (в самом ее имени кроется что-то поэтическое, эфирное: «Азалия», прелестный южный цветок, и «Эдер» — от «Эр», воздух, — фамилия, звучащая по-французски, что на Юге всегда было знаком социального престижа). Она принадлежит к женщинам, все существование которых ограничено внутренней духовной жизнью, стихами и набросками. Она кажется предшественницей той группы прекрасных писательниц, которых дал американский Юг и которые сумели заглянуть за внешнюю оболочку вещей. Сразу же на память приходят Флэннери О'Коннор,

Карсон Маккаллерс, Юдора Уэлти. И как проникновенен ее ответ на замечание рассказчика, что в Нэшвиле, по-видимому, «редко случается что-нибудь из ряда вон выходящее»: «Разве проишествия не случаются как раз в тихих, спокойных местах?» Глубокий смысл этих слов становится понятным еще до того, как она начинает приводить примеры. Да, в этом городе есть и страдания, и радости, но они укрыты в душе, а не выставлены на всеобщее обозрение.

Хотя местом действия назван Нэшвил, с этим городом рассказ связывают только вставные отрывки из «Муниципального отчета», никакого отношения к сюжету не имеющие. Но атмосфера «Муниципального отчета» в целом и во всех его частностях — это атмосфера всего американского Юга. В «Муниципальном отчете» с особым блеском воплотился талант О. Генри, южанина по рождению, сумевшего преодолеть ограниченность и узость Юга. Однако он, вполне естественно, сохраняет любовь к родным краям и особенно к живущим там честным и добрым людям как белым, так и черным. В этой любви находит еще одно выражение глубокая гуманистичность О. Генри, а именно она в сочетании с необыкновенным даром рассказчика и делает его тем писателем, каким мы его знаем.

ИОАКИМ БЭР

г. Гринсборо

СТАРИННЫЕ ПОВЕСТИ
О СЧАСТЛИВЫХ И НЕСЧАСТНЫХ
ВЛЮБЛЕННЫХ,
ДОСТОЙНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
МУЖАХ,
ПРЕЛЕСТНЫХ И ВЕРНЫХ
НАЛОЖНИЦАХ
И О МНОГОМ ДРУГОМ

Разоблачение божества. Средневековые китайские повести. Составитель В. А. Вельгус. Перевод с китайского, послесловие и комментарий В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. Ответственный редактор А. З. Эйдлин. Москва, «Наука», 1977.

Н а протяжении десятков столетий в Китае существовали (да, наверно, и сейчас тайно еще существуют) «шоухажэнь» или «шошуди» — профессиональные рассказчики. Огромное

СРЕДИ КНИГ